

РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1946–1991 гг.)*

Аннотация. В статье рассмотрено взаимозависимое решение экономических и экологических проблем в процессе развития работы по рациональному использованию природных ресурсов в промышленности Восточной Сибири. Автором выявлены основные этапы в активизации этой работы, формы мобилизации производственных коллективов на участие в ней, результаты и проблемы её развития.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, отрасли основной хозяйственной специализации, промышленные выбросы в воздушный и водный бассейны, рациональное использование природных ресурсов, вторичные ресурсы, охрана окружающей человека природной среды.

В развитых странах мира в XX в. сложилась тенденция удвоения объемов потребляемого сырья каждые десять лет¹. Выдержать такой рост за счет бесконечного увеличения объемов добычи невозможно с технологической, экономической и экологической точек зрения. Исторический аспект рационального использования природных ресурсов Восточной Сибири в разное время рассматривался в работах В.В. Алексеева, Г.А. Цыкунова, Ю.А. Зуляра, Н.В. Савчук и других авторов². Однако в них специально не анализировалось взаимоувязанное решение экономических и экологических проблем.

Проблема снижения потерь сырья в отраслях основной специализации Восточной Сибири стала особенно острой в послевоенный период, в связи с нарастанием объемов вовлечения природно-сырьевых ресурсов в хозяйственный оборот. Это было обусловлено крупными поставками техники в лесную, угольную, горнодобывающую промышленность, внедрением новых технологий и совершенствованием организации труда. В лесной промышленности на заготовке древесины стали применяться электрические и бензиновые пилы, на вывозке – автотранспорт и тракторы. В отрасли перешли от сезонного использования неквалифицированной рабочей силы к созданию профессиональных коллективов леспромхозов, работавших в течение всего года. Рост добычи угля и руд цветных металлов был связан с началом комплексной механизации подземных работ и переходом на добычу дешевым открытым способом.

За пятнадцать послевоенных лет объем открытой добычи угля в регионе был увеличен в 37 раз³.

Восточная Сибирь в послевоенный период являлась поставщиком круглого леса, цветных металлов и рудных концентратов в другие регионы страны. Однако уже тогда принимались некоторые меры по глубокой переработке сырья и снижению его потерь с отходами. Например, улучшение использования руды на Норильском горно-металлургическом комбинате (далее: НГМК) позволило в 1946–1947 гг. в два раза увеличить производство никеля и меди, наладить производство кобальта и других редких металлов⁴. Для переработки оставаемой в регионе древесины в годы четвертой пятилетки были построены небольшие лесопильные и смолоскипидарные заводы. В последующие десять лет здесь был освоен выпуск бумаги и картона, производство клееной фанеры было увеличено в 2,7 раза, пиломатериалов – в 2,8 раза⁵. Однако количество древесных отходов в Восточной Сибири постоянно нарастало из-за отставания в строительстве предприятий по глубокой переработке древесины. Ситуация с её переработкой в Иркутской области усугубилась в середине 50-х гг. в связи с началом лесосводки в ложе водохранилища Братской ГЭС. Ставка была сделана на создание гидролизной промышленности, строительство Братского лесопромышленного комплекса, Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, которые после пуска в эксплуатацию в середине 60-х гг. должны были перерабатывать более 7 млн м³ древесных отходов в год⁶.

В Красноярском крае в 50–60-е гг. шло формирование лесохимического комплекса, включавшего в себя гидролизные заводы, целлюлозно-бумажный комбинат, шинный завод и завод синтетического каучука, другие предприятия⁷. В Бурятской АССР было начато строительство Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. В регионе строились предприятия по глубокой переработке других видов природного сырья. В Ангарске в начале 50-х гг. был пущен в эксплуатацию завод по производству жидкого топлива из черемховских углей. А при строительстве в Красноярском крае Ачинского глиноземного комбината была предусмотрена комплексная переработка местных нефелиновых руд с получением на каждую тонну глинозема 0,5 т содопродуктов и 10 т цемента⁸. Таким образом, в 50–60-е гг. в Восточной

* © Гайдин С.Т.

Сибири была заложена материально-техническая база для глубокой переработки добываемого в регионе природного сырья. Она развивалась на протяжении всего рассматриваемого периода за счет строительства новых предприятий, реконструкции действующих и внедрения на них новых технологических процессов.

Но, вместе с тем, к середине 60-х гг. стала очевидной необходимость пересмотра существовавшей модели экстенсивного развития с использованием наиболее доступных природных ресурсов и нарастающим объемом их потерь в процессе производства. Например, из-за недостаточного извлечения металлов из руды, себестоимость концентратов на горно-добывающих предприятиях Читинской области в начале 60-х гг. значительно превышала отпускную цену по молибдену, олову, вольфраму. В Иркутской области потери угля к этому времени составляли 19 % при открытой форме добычи и 30 % при подземных разработках, на предприятиях лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности до конечной продукции доходило не более 30 % заготовленной древесины⁹.

Возможности для вовлечения коллективов в работу по рациональному использованию сырья появились после принятия решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о переводе народного хозяйства на новую систему планирования и экономического стимулирования. Подготовка к этому началась практически на всех промышленных предприятиях Восточно-Сибирского экономического района. Созданные там экономические советы, бюро экономического анализа, комиссии по переходу на хозрасчет разработали мероприятия по повышению эффективности производства. Так, на Братском лесопромышленном комплексе (далее: БЛПК), Онохойском ЛПК, Норильском горно-металлургическом, Джидинском вольфрамомолибденовом, Сорском молибденовом комбинатах и многих других предприятиях региона во второй половине 60-х гг. были четко определены нормативы расходов сырья, материалов, воды, электроэнергии на выпуск профильной продукции и внедрена система материального стимулирования работников за достигнутые результаты¹⁰.

В новых условиях леспромпхозы региона стали больше учитывать требования лесников к соблюдению правил лесозаготовки. Чтобы не платить штрафы за нарушения правил, они стали переходить на технологию разработки лесосек узкими лентами, в результате чего улучшилось сохранение подроста. Каждый бригадир теперь стал по акту принимать отведенную лесосеку и сдавать ее после очистки от порубочных остатков. В результате пропаганды этого прогрессивного метода и материальной заинтересованности лесозаго-

товителей в его внедрении объем лесозаготовок с его использованием в объединении «Иркутсклеспром» за 1966–1970 гг. увеличился с 57 до 75 %, в объединении «Забайкаллес» – с 70 до 80 %. В Бурятской АССР за это время методом узких лент было разработано 128,6 тыс. га лесосек. Это позволило ускорить и удешевить лесовосстановление, так как сохранение одного гектара молодого леса на лесосеках обходилось в шесть раз дешевле, чем высадка леса на такой же площади¹¹.

Следует подчеркнуть, что на некоторых предприятиях руководители восприняли переход на хозяйственный расчет как очередную политическую кампанию, которых было много в послесталинский период. Тем более, что рациональное использование сырья не во всех случаях обеспечивало получение ожидаемой прибыли. Например, затраты леспромпхозов на приобретение оборудования по выпуску технологической щепы в перспективе могли принести экономический эффект, но в момент его приобретения и освоения предприятия несли убытки, потому что их работа оценивалась не по вложениям на перспективу, а по текущей прибыли. Так, комбинат «Тайшетлес», наладивший производство продукции из отходов лесопиления, в первый же год проведения реформы вынужден был списать нереализованной продукции на огромную для тех времен сумму в 1 млн рублей¹². С подобной ситуацией столкнулись многие леспромпхозы Бурятской АССР, Иркутской области и других регионов Восточной Сибири¹³.

Однако, несмотря на имеющиеся недостатки и просчеты в деле экономии природного сырья, накопленный в условиях перехода на новую систему планирования и экономического стимулирования опыт позволил активизировать работу по ресурсосбережению в рамках всей страны. Так, в феврале 1970 г. впервые было объявлено о проведении Всесоюзного смотра экономии и бережливости. В дальнейшем такие смотры проводились ежегодно на протяжении всего рассматриваемого периода. В рамках социалистической экономики они были вполне реальным инструментом поиска производственных резервов на предприятиях, в организациях и в производственных объединениях.

Работа по переводу предприятий Восточно-Сибирского региона на новую систему планирования и экономического стимулирования, проведению Всесоюзного смотра экономии и бережливости позволила получить довольно высокий экономический и зачастую не менее высокий экологический эффект. Так, на Ангарском цементно-горном комбинате за годы восьмой пятилетки удалось сократить валовой выброс цементной пыли в атмосферу города в 500 раз, ее концентрацию в атмосфере Ангарска – в 20 раз.

А возвращение уловленной пыли в производство и использование в качестве сырьевой добавки золы позволило увеличить производство цемента и поднять прибыль комбината с 2460 до 4670 тыс. руб.¹⁴ Более полное извлечение металлов из руды на Норильском ГМК в 1966–1970 гг. дало возможность увеличить производство кобальта в 1,4 раза, никеля – в 1,7 раза, меди – в 2,5 раза и обеспечить рост прибыли комбината в три раза. Комбинат в эти годы стал переводить производство на оборотную систему водоснабжения¹⁵. Определенные успехи были достигнуты на большинстве предприятий Восточной Сибири.

В начале 70-х гг. государство продолжало развивать работу по расширению хозяйственного расчета, нормированию использования сырья, материалов, электроэнергии и других видов ресурсов, так как развитие экономики за счет экстенсивных источников стало в этот период еще более проблематичным. В свою очередь, практика строительства природоохранных объектов в стране в 60-е гг. показала, что затраты на внедрение безотходных технологических процессов могут быть ниже, чем постоянные, нередко нарастающие расходы на защиту воздушного, водного бассейна и почв от загрязнения.

Одним из факторов, стимулирующих работу производственных коллективов по снижению потребления воды, стало введение с 1 января 1972 г. платы за воду, забираемую из водохозяйственных систем. Это подтолкнуло предприятия разной отраслевой специализации начать работу по снижению расхода бесплатного ранее производственного ресурса. Интересный опыт экономии воды был накоплен на Красноярском комбайновом заводе, где была разработана система конкретных показателей по использованию воды и система материального стимулирования за её экономию. На предприятии было организовано соревнование, победители которого получали весомые премии. В результате мероприятий технического и организационного характера, экономия воды на заводе за годы девятой пятилетки возросла с 40 до 350 тыс. м³ в год. Примерно на столько же сократился сброс промышленных стоков в канализацию¹⁶.

Важнейшими условиями успеха этой работы стало регулярное подведение итогов с доведением результатов до работников предприятия через многотиражную газету предприятия, удачное сочетание мер морального и материального стимулирования, что не было сделано на Селенгинском ЦКК, где в июне 1975 г. был объявлен смотр-конкурс «Селенге – чистую воду». В результате интерес коллектива к участию в конкурсе был очень низким и не дал ожидаемого эффекта¹⁷. Но там, где работа по экономии воды рассматривалась как одно из важнейших направлений деятельнос-

ти, удавалось достигать весомых результатов. Например, в 1977 г. на БЛПК экономия свежей воды составила 32 млн м³, или 10 % от общего объема водопотребления предприятия¹⁸.

Для обозначения ориентиров в деятельности разных отраслей по рациональному использованию природных ресурсов в начале 70-х гг. было принято несколько постановлений ЦК КПСС и советского правительства по распространению опыта Московского (Подрезковского) экспериментального завода древесно-стружечных плит и деталей, Усть-Каменогорского и Балхашского комбинатов, других передовых предприятий страны. В соответствии с ними, на предприятиях Восточной Сибири были разработаны меры по снижению потерь сырья, материалов, воды, использованию в производстве отходов и побочных продуктов.

На предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности в Восточной Сибири в годы девятой пятилетки стали практиковать разработку лицевых счетов экономии, в которых фиксировался вклад каждого работника в работу всего коллектива. Кроме индивидуальных счетов на многих предприятиях вводились бригадные и цеховые счета экономии, явившиеся суммарным обобщением результатов работы каждого члена бригады. Это позволило снизить потери щелоков в 1971–1972 гг. на Братском лесопромышленном комплексе в 1,2 раза, а в 1973–1975 гг. – в 3 раза. А их использование в качестве топлива дало возможность увеличить производство тепловой энергии не только на БЛПК, но и на Братском алюминиевом заводе¹⁹. Снижение более чем в 2,5 раза расхода воды, сырья и химикатов на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате позволило в годы девятой пятилетки уменьшить загрязнение окружающей среды и снизить затраты на рубль выпускаемой продукции с 1 руб. 22 коп. до 97 коп.²⁰.

В свою очередь, внедрение в 1971–1975 гг. нового оборудования по добыче руды на Норильском горно-металлургическом комбинате привело к снижению её разубоживания в 1,5–2 раза и позволило использовать пустую породу для закладки отработанных шахт²¹. Внедрение элементов системы оборотного водоснабжения позволило на 25 % снизить расход воды на выпуск одной тонны металлов и обеспечить экономию 25 млн м³ воды в год²². Эта работа ещё больше активизировалась после того, как в 1975 г. на комбинате была введена новая система оплаты труда с учетом качества выданного отвального шлака²³. А в ноябре 1979 г. на НГМК был начат выпуск элементарной серы, которая стала 15 элементом, извлекаемым из заполярных полиметаллических руд²⁴.

Аналогичные меры по расширению номенклатуры выпускаемой продукции за счет извлечения из руд совместно залегающих элементов,

использования вскрышных и вмещающих пород для хозяйственных целей в 70-е гг. были приняты и на других предприятиях цветной металлургии региона. В частности, на Сорском молибденовом, Джидинском вольфрамо-молибденовом, Нерчинском полиметаллическом комбинатах было налажено попутное извлечение драгоценных и редких металлов²⁵. В январе 1976 г. заместитель министра цветной металлургии СССР В.Д. Нагибин поставил задачу – наладить на Ачинском глиноземном комбинате извлечение из нефелиновой руды редкоземельных элементов таллия, цезия и рубидия²⁶. А на Орловском ГОКе в Читинской области в середине 70-х гг. начали отпуск щебня для дорожного строительства, изготовленного из вскрышных пород, в Хакасии для этой цели стали использовать хвосты Абаканского и Тейского железных рудников.

Достигнутые на предприятиях результаты по экономии сырья, воды и материалов, как правило, оценивались с точки зрения экономических показателей, но невозможно недооценивать их экологический эффект. Поэтому в 1974 г., когда планы по охране окружающей среды на предприятиях стали обязательной составной частью планов по развитию производственной деятельности, эти результаты стали фиксироваться в отчетах в разделе природоохранных мероприятий. Но если экономическая эффективность оценивалась по достигнутому результату, то с оценкой экологической эффективности было гораздо сложнее, так как полученный результат был только одним из шагов в движении к безотходному производству. Например, по данным министерств цветной и черной металлургии СССР, в конце 70-х гг. общие потери полезных ископаемых в подведомственных им отраслях при добыче и переработке руды составляли 25–30 %, из которых 10–12 % приходилось на добычу руды²⁷.

В условиях падения фондоотдачи в экономике, государство в начале 80-х гг. сделало попытку создания системы учета и более полного использования сырья и отходов производства. В стране была проведена инвентаризация производственных отходов, и в государственные планы экономического и социального развития стал включаться специальный раздел «Использование вторичного сырья»²⁸. В январе 1985 г. был введен ГОСТ 25916-83 «Ресурсы материальные, вторичные: термины и определения», исключавший прежние определения «отходы производства» и «отходы потребления», которые были объединены в новую категорию «вторичные материальные ресурсы» подлежащие бухгалтерскому учету²⁹. И в случае перерасхода при производстве сырьевых и топливно-энергетических ресурсов (кроме газа) объединения, предприятия и организации, начиная с 1 января 1985 г., должны были выплачивать

в доход федерального бюджета их стоимость в двукратном размере³⁰.

Проведенное в 1985 г. на страницах газеты «Труд» Всесоюзное заочное рабочее собрание по бережливости и экономии показало, что на предприятиях имелось огромное количество вторичных ресурсов. Редакцией было получено более 685 тысяч писем с указанием на их наличие и предложениями по их использованию³¹. Это свидетельствовало о том, что работники еще не утратили готовности участвовать в работе по повышению эффективности производства. Однако, несмотря на определенные успехи в работе по экономному и бережному использованию природно-сырьевых ресурсов, её общее состояние на многих предприятиях страны и Восточной Сибири было неудовлетворительным. На XXVII съезде КПСС в начале 1986 г. было признано, что за прошедшие полтора десятка лет не удалось перевести экономику с экстенсивного пути развития на интенсивный³². В течение пятнадцати лет, начиная с 1971 г., рост затрат на организацию добычи сырья сопровождался его постоянным удорожанием. Если в начале указанного периода для добычи сырья стоимостью один рубль нужно было затрачивать два рубля, то в конце периода на это уже приходилось тратить четыре рубля³³.

В этих условиях борьба за радикальное снижение ресурсоемкости производства превращалась в главный источник экономического роста и экологизации производства. В годы перестройки была сделана попытка решения этой взаимосвязанной задачи на путях перевода промышленных предприятий на хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Но результат во многом зависел от выбора конкретной формы хозяйственного расчета. Например, Ачинский глиноземный комбинат, который выбрал форму самоокупаемости, в 1989 г. за счет более глубокой переработки руды, выпуска фтористого алюминия, клинкера и силикатного кирпича из отходов основного производства заработал более 100 миллионов рублей прибыли³⁴. В переработку были пущены отходы со шламовых полей, отвалов комбината, уловленные продукты, загрязнявшие прежде окружающую среду. Однако форма работы в режиме окупаемости привела к изъятию в пользу Министерства цветной металлургии СССР более 80 % полученной прибыли³⁵. Режим самофинансирования, в свою очередь, давал возможность, после отчисления части прибыли по стабильным нормативам в бюджет и в пользу отраслевого министерства, направлять часть прибыли на развитие производства, формирование фонда оплаты труда, материального стимулирования. То есть после обязательных расчетов оставшая часть прибыли должна была закрепляться за предприятием без

права ее изъятия.

Практически все предприятия Восточной Сибири в условиях перестройки активизировали работу по поиску российских и зарубежных партнеров, заинтересованных в приобретении тех вторичных ресурсов, которые они, в силу различных обстоятельств, не могли перерабатывать сами. Так, в конце 80-х гг. Братский алюминиевый завод организовал продажу японским алюминиевым фирмам силуминового шлака, который они использовали для производства алюминия. Из коры, поставляемой Братским ЛПК, в Братскгэстрое был налажен выпуск коропласта, который использовался в качестве кровельного материала. А производимые на комбинате из отходов кормовые добавки и компост поставлялись в колхозы и совхозы Иркутской области³⁶.

В свою очередь, руководство промышленных предприятий пыталось привлекать иностранные инвестиции и технологии в сферу переработки вторичных ресурсов. Производственное объединение Красноярсклеспром вело переговоры с одной из австрийских фирм о совместном строительстве ЦБК в Лесосибирске. Дирекция Игарского лесокомбината обсуждала с несколькими фирмами из ФРГ вопрос о совместном производстве древесно-стружечных плит³⁷.

Ещё одним направлением работы по улучшению использования вторичных ресурсов в условиях перестройки стал переход на кооперативную форму ее организации. В регионе активно создавались кооперативы по очистке рек от затонувшей древесины, по переработке древесных отходов, которые открывались как при леспромпхозах, так и при лесхозах. Такие кооперативы были созданы при Югачинском лесничестве Хакасско-Минусинского управления лесного хозяйства и Уярском мехлесхозе, Тасеевском, Карабульском леспромпхозах, объединении «Китойлес» и многих других предприятиях региона³⁸. В Восточной Сибири также стали создаваться кооперативы по обслуживанию городских свалок³⁹. Однако они не получили широкого развития из-за непрерывно менявшейся экономической ситуации в стране и регионе.

Для рассматриваемого в статье периода было характерно непрерывное возрастание объемов вовлечения природных ресурсов региона в хозяйственный оборот. Но уже в первый послевоенный период стали приниматься меры по внедрению их более глубокой переработки. В 50-е гг. в Восточной Сибири было начато строительство крупных предприятий, рассчитанных на глубокую переработку природного сырья, добываемого в регионе.

В этот период в стране стало проявлять себя осознание зависимости между потерями сырья

и загрязнением окружающей человека природной среды. Высокие потери сырья при добыче и переработке побуждали заниматься внедрением ресурсосберегающих технологий. Созданию механизмов вовлечения производственных коллективов в работу по экономии и бережливости способствовал перевод промышленных предприятий в годы восьмой пятилетки и последующий период на новую систему планирования и экономического стимулирования. Борьба с потерями, как показал опыт этого периода, становилась одним из направлений охраны и оздоровления окружающей среды. Это стало особенно очевидным во время проведения в 1970 г. Всесоюзного общественного смотря экономии и бережливости.

Провозглашение в начале 70-х гг. партийно-государственной политики по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов позволило более тесно увязывать решение экономических и экологических проблем. В большинстве отраслей работа по рациональному использованию природного сырья велась под лозунгами экономии и бережливости, снижения потерь сырья, борьбы против снижения эффективности производства, за повышение фондоотдачи. Решение этих проблем обеспечивалось за счет повышения заинтересованности трудовых коллективов, проведения реконструкции предприятий, внедрения технических новшеств, роста квалификации работников, снижения нарушений технологической дисциплины.

В 80-е гг. государство в условиях нарастания негативных тенденций в экономике попыталось разработать нормативную базу, обеспечивавшую активизацию работы по снижению потерь сырья и использованию вторичных ресурсов. Особое внимание при этом было обращено на использование материальной заинтересованности коллективов. Радикально изменить отношение коллективов промышленных предприятий, комбинатов, объединений к использованию сырья должен был их переход на хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Другой формой стимулирования более полного использования вторичных ресурсов в условиях перестройки стало создание кооперативов по заготовке, вовлечению в хозяйственный оборот неучтенного сырья. В регионе были получены интересные результаты работы кооперативов по взаимовыязанному решению экономических и экологических проблем.

Однако в 1946–1991 гг., несмотря на постоянный поиск путей повышения эффективности производства за счет снижения потерь сырья во всех звеньях от вовлечения до переработки, на определенные успехи в этом поиске, в рамках советской социалистической модели организации экономики не удалось приблизиться к безотход-

ному производству, которое бы позволило решать широкий комплекс взаимосвязанных экономических и экологических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Скиннер Б. Хватит ли человечеству земных ресурсов?: пер. с англ. М., 1989. – С. 26-27.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Часть II. 1951–1970 гг. Новосибирск, 1976; Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991; Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск, 2002; Савчук Н.В. Ангаро-Енисейский регион: социально-экологические проблемы хозяйственного освоения (1950–1990 гг.). Ангарск, 2006; Савчук Н.В. Социальная сфера Ангаро-Енисейского региона в условиях экологической нестабильности (1950–1990 гг.). Ангарск, 2007;
3. Посчитано по: Заблотская К.А. Угольная промышленность Сибири в послевоенные годы // Индустриальное развитие Сибири в годы послевоенных пятилеток (1946 – 1960). Новосибирск. – С. 31.
4. Государственный архив Красноярского края (далее: ГАКК). Ф. П – 26. Оп. 20. Д. 20. Л. 46.
5. Посчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: стат. ежегодник. – М., 1959. – С. 116, 118, 123.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее: ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 73. Д. 1. Л. 71.
7. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 31. Д. 12. Л. 13, 39.
8. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 24. Д. 16. Л. 61.
9. Государственный архив Читинской области (далее: ГАЧО). Ф. П – 3. Оп. 7. Д. 135. Л. 12; ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 26. Л. 67
10. ГАНИИО. Ф. 5206. Оп. 1. Д. 23. Л. 23; Мастер-организатор работы коллектива // Правда Бурятии. 1966. – 25 сентября; Проблемы хозяйственной реформы. Первые итоги: о чем они говорят? // Советская Хакасия. 1967. – 27 февраля; Комитет по делам архивов при Правительстве Республики Хакасия (далее: Хаккомархив). ОДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3489. Л. 56.
11. Государственный архив Иркутской области (далее: ГАИО). 3018. Оп. 1. Д. 17. Л. 33; Афанасенко П. Покорись зеленый океан // Забайкальский рабочий. 1966.–18 сентября; Орлов М. Технология восстановления лесосырьевой базы // Лесная промышленность. 1976.–12 марта.
12. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 51. Л. 55.
13. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 80. Д. 51. Л. 55; Национальный архив Республики Бурятия (далее: НАРБ). Ф. П – 1471. Оп. 1. Д. 51. Л. 30.
14. ГАНИИО. Ф. 5249. Оп. 1. Д. 30. Л. 12; ГАИО. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 91. Л. 22.
15. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 48. Д. 1. Л. 12; Мельников Н. Рациональное использование природных ресурсов // Коммунист. 1973. № 15. – С. 81.
16. Экономика и экология // Комбайностроитель. 1975. – 17 февраля.
17. НАРБ. Ф. П – 3488. Оп. 1. Д. 47. Л. 97.
18. ГАИО. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 261. Л. 38.
19. ГАНИИО. Ф. 5206. Оп. 2. Д. 51. Л. 8; Ф. 4847. Оп. 11. Д. 20. Л. 73.
20. ГАИО. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 118. Л. 32.
21. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 53. Д. 1. Л. 37.
22. Колесников Б.И. Богатства Заполярья // Известия. 1975. – 7 ноября.
23. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 52. Д. 24. Л. 63.
24. ГАКК. Ф. П – 5117. Оп. 53. Д. 2. Л. 214.
25. Хаккомархив. ОДНИ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 58. Л. 44. НАРБ. Ф. П – 71. Оп. 1. Д. 722. Л. 28. ГАЧО. Ф. П – 12. Оп. 41. Д. 1. Л. 54.
26. ГАКК. Ф. П – 6974. Оп. 1. Д. 20. Л. 285-296.
27. Мосинец В.Н., Грязнов М.В. Горные работы и окружающая среда. М., 1978. – С. 99.
28. Постановление Совета Министров СССР от 25 мая 1980 г. № 65 «О мерах по дальнейшему улучшению использования вторичного сырья в народном хозяйстве» (Извлечение) // Вторичные ресурсы: сборник нормативных актов. М., 1988. – С. 19.
29. Гуцайлюк З.В. Учет и контроль производственных отходов. М., 1990. – С. 10.
30. Постановление Совета Министров СССР от 4 мая 1984 г. № 404 «Об усилении материальной ответственности за нерациональное использование материальных ресурсов» (Извлечение) // Вторичные ресурсы. М., 1988. – С. 186.
31. По праву хозяев. Что показало Всесоюзное рабочее собрание о бережливости и экономии // Правда. 1986. – 1 февраля.
32. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. – С. 274.
33. Интенсивное развитие экономики: учебное пособие для руководителей подразделений и специалистов предприятий и объединений промышленности / В.П. Шкредов, Ю.В. Яковец, Э.Б. Фигурнов и др. М., 1987. – С. 159
34. Бондаренко С., Рыбакова Л. Выгодно работать на совесть // Красноярский рабочий. 1987. – 5 марта; Михеев О.Е. Богатство второго круга: Вторичные ресурсы в экономике. М., 1989. – С. 81.
35. Матецкий Г. Живые деньги // Красноярский рабочий. 1990. – 2 марта.
36. Монахов В. Бизнес на отходах // Восточно-Сибирская правда. 1989. – 26 марта.
37. Жигачева В. А что за риторикой // Красноярский рабочий. 1990. – 19 июля; Валюту чеканят докеры // Красноярский рабочий. 1989. – 14 июня.
38. Никушин В. Отходы в доходы // Красноярский рабочий. 1988. – 20 ноября; Лишнева В. Кто поможет кооператору. Проблемы кооператива «Новатор» // Красноярский рабочий. 1988. – 6 декабря; Курьянинов В. Прибыль с отходов // Восточно-Сибирская правда. 1988. – 20 июля.
39. Симоненко В. Еще раз об отходах и доходах // Восточно-Сибирская правда. 1989. – 21 июня; Непомнящий Г. Наводим порядок // Красноярский рабочий. 1989. – 3 сентября.

S. Gaidin

EFFICIENT USE OF NATURAL RESOURCES AS FACTOR OF ENVIRONMENTAL PROBLEM SOLVING IN EASTERN SIBERIA (1946–1991)

Abstract: The article describes the interdependent solutions of economic and environmental

problems in the course of industrial enterprise development of efficient use of natural resources in Eastern Siberia. The author analyses the main stages of this process activation, its results and problems of development together with forms of industry work-

ers involvement to it.

Key words: Eastern Siberia, industry specialization, industrial emissions, air pollution, water pollution, efficient use of natural resources, secondary resources, environment preservation.

УДК 94(470.26)“1945/1948”

Маркин Д.Г.

НЕМЦЫ КАЛИНИНГРАДА: ОПЫТ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ (1945-1948 ГГ.)*

Аннотация. В 1945 г. в состав СССР вошла бывшая часть Восточной Пруссии, включая город Кёнигсберг, где к окончанию военных действий оставалось около 140 тыс. немцев. На основе архивного материала, в том числе ранее не публиковавшегося, в данной статье анализируется проблема взаимоотношения местных органов власти Калининградской области, а также силовых ведомств региона с коренным населением бывшей Восточной Пруссии.

Ключевые слова: немецкое население, Восточная Пруссия, взаимоотношение с местными органами власти, Калининградская область, антисоветская деятельность.

2 августа 1945 г., в соответствии с решениями Потсдамской конференции, северная часть Восточной Пруссии с портами Кёнигсберг и Мемель (нынешняя Клайпеда) были переданы Советскому Союзу¹. После окончания военных действий в советской части Восточной Пруссии оставалось около 139 тысяч немецких граждан². Сложилась уникальная ситуация, когда советским властям было необходимо управлять немецким населением. Данная ситуация ещё более усложнилась для военных и гражданских властей сначала в период прибытия в Калининградскую область репатриированных советских граждан, а после этого в период массового заселения области советскими переселенцами из центральных регионов СССР. Таким образом, местным властям нужно было учитывать ещё и фактор взаимодействия немцев и советских граждан³.

Анализ региональной политики в отношении восточно-пруссских немцев, а также исследование опыта взаимоотношения немцев с местными органами советской власти весьма важен для понимания дальнейшей судьбы местного населе-

ния. Именно первые послевоенные годы определили последующее массовое переселение немцев из Калининградской области.

С самого начала создания Калининградской области, СССР придавал данному региону особое значение. 5 сентября 1946 г. был издан совершенно секретный приказ № 131сс,⁴ в соответствии с которым вся Калининградская область в целях улучшения охраны границы включалась в запретную пограничную зону. Роль силовых ведомств в Калининградской области, после того как вступил в силу данный приказ, ещё более усилилась.

Придание региону нового статуса повлияло и на политику местных властей в отношении оставшихся восточно-пруссских немцев. Так, секретарь Калининградского обкома ВКП (б) П.Иванов утверждал, что в связи с тем, что Калининградская область и Калининград отнесены к запретной зоне, в области должно быть «отборное и благонадёжное население, отборные части Советской Армии, образцовый революционный порядок и крепкая охрана государственной границы»⁵. Именно немецкое население местные власти считали дестабилизирующим фактором, тормозящим развитие новой советской области. Его присутствие в регионе никак, по мнению местных партийных работников и сотрудников МВД/МГБ, не соответствовало тому статусу, который получила Калининградская область.

И хотя, безусловно, такое отношение к немецкому населению было неоправданным, стоит признать, что у сотрудников МВД/МГБ были определённые основания подозревать отдельных представителей восточно-пруссского населения в запрещённой советскими законами деятельности. Так, несмотря на то, что сразу после окончания боевых действий спецорганами была проведена большая работа по выявлению фашистских элементов среди мирного населения, многие бывшие члены НСДАП, а также немецкие военнослужащие всё ещё оставались в регионе, смешавшись с

* © Маркин Д.Г.

** Статья подготовлена при поддержке фонда Герды Хенкель (номер гранта AZ 08/SR/07)